

Филологические и исторические методы Тредиаковского при исследовании подобных вопросов не научны и соответствуют методам антиисторической критики схоластического типа, но внутренняя тенденция его направлена на доказательство не общности всех культур, а их дифференцированности. Таким же образом он в первом из своих трех рассуждений старается доказать, что славянский язык — это первичный язык всей Европы, что все страны и народы Европы обязаны своим началом русскому народу. Он ошибается так же, как ошибались в своих лингвистических выкладках все доромантические языковеды Европы; но опять пафос его работы заключается в желании отстоять самостоятельность русской национальной культурной традиции в пределах общеевропейской нормы, отстоять ее против мнений иноземных ученых и отечественных «западников» на салонный лад. Он понимает, что Петр I хотел сблизить Россию с Западом на поприще культуры (см. «Разговор об орфографии»), но понимает деятельность Петра в этом отношении именно как национальную. В начале «Слова о витийстве» он говорит о том, что когда Петр пригласил в русскую Академию наук иноземных ученых, «то другого большего плода толь от похвального и толь от полезного учреждения приобрести он не желал, как токмо, чтоб потом, в некоторое время, из всеподданнейшия и домашниа своея юности и многих способных к отправлению профессорския должности иметь и чрез то б способнее и действительнее как о бессмертной славе всего своего народа, так особливо о знатном прибытке от них между тем учащихя, а больше об истинной пользе всего государства промысл учинить».

Это — та же мысль, что и в знаменитых ломоносовских стихах о собственных Платонах и Невтонах. Недаром «Слово» Тредиаковского вызвало в немецкой печати раздраженные нападки. Тот же внутренний смысл заключен и в работе Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», в которой он противопоставляет нигилистическому взгляду на прошлое русской литературы, якобы не имеющей что предъявить своим соседям, почти двухвековую историю русской поэзии, заключающую весьма высокую оценку нескольких превосходных, по мнению Тредиаковского, поэтов-силлабистов, достойных занять место рядом с лучшими стихотворцами любого народа. (При этом он подчеркивает плодотворную литературную деятельность именно русских разночинцев-поповичей и ученых монахов, не аристократов-дворян). Так, Тредиаковский, восхищаясь «сладостной» поэзией Буслаева, прямо полемизирует с аббатом Гуаско, считавшим Кантемира первым русским поэтом, и говорит, что если бы Гуаско «мог видеть сие все, что я теперь не по слуху и чужому сказанию (это — выпад против аббата, не знавшего русского языка! — Г. Г.) пишу о нашем стихотворении, но по достоверному и истинному сказанию, то б, без сомнения, он для своея чести многое отменил в оной своей книшке и выдал бы второе издание исправнее и пра-